

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.19>

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СТРАН ПРОЖИВАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ

Научная статья

Тимижев Х.Т.¹, Бозиева Н.Б.^{2,*}

¹ORCID : 0000-0001-6776-8004;

²ORCID : 0000-0002-0767-2825;

^{1,2}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (naimabozieva[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы эволюции эпического самосознания авторов черкесского зарубежья. Анализируются разные по жанру и дате появления в свет произведения таких писателей, как А. Мидхата, О. Сейфудина, Э. Гунджера, М. Уйсала, М. Аталая. Основное внимание уделено развитию литературы диаспоры в строгом соотношении ее наиболее значимых фактов с изменчивым историко-культурным контекстом, системными ценностями художественной культуры стран проживания. Аксиологический аспект изучения произведений художников диаспоры в статье раскрывается в привязке изображенных событий истории с их художественно-культурным контекстом. В избранном исследовательском ракурсе рассматривается деятельность черкесских писателей, проживающих в Турции, в произведениях которых наиболее явно прослеживаются изменения мировоззрения эмигрантов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации исторических событий и их влияния на творчество писателей черкесской диаспоры, а также тем, что обозначенные проблемы не стали объектом изучения в национальном литературоведении. Писатели, чьи произведения взяты для анализа, жили в один из самых драматичных этапов истории двух последних столетий, что не могло не отразиться на их жизни и произведениях. Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем изучении литературы черкесского зарубежья. Они могут найти практическое применение на спецкурсах, в исследовательских работах преподавателей, аспирантов и студентов. Таким образом, на основе исследованного материала можно сделать следующий вывод: в контексте преобразований рассмотренного периода литература черкесского зарубежья зародилась и пустила свои корни на почве инонационально-письменных традиций восточных народов, и важнейшим результатом такого развития стал переход от арабо-тюркского письма к письму на родном языке.

Ключевые слова: историческая действительность, ценностный аспект, черкесская диаспора, эволюция художественного сознания, этнокультурная идентификация.

STUDYING THE LITERATURE OF THE CIRCASSIAN DIASPORA IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE COUNTRY OF RESIDENCE OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA

Research article

Timizhev K.T.¹, Bozieva N.B.^{2,*}

¹ORCID : 0000-0001-6776-8004;

²ORCID : 0000-0002-0767-2825;

^{1,2}Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

* Corresponding author (naimabozieva[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the evolution of the epic self-consciousness of the authors of the Circassian diaspora. Works of such writers as A. Midkhata, O. Seyfudin, E. Gundzher, M. Uysala, M. Atalaya, different in genre and date of publication, are analyzed. The main attention is paid to the development of diaspora literature in strict correlation of its most significant facts with the changing historical and cultural context, systemic values of the artistic culture of the countries of residence. The axiological aspect of studying the works of diaspora artists is revealed in the article by linking the depicted events of history with their artistic and cultural context. In the selected research perspective, the activities of Circassian writers living in Turkey are considered, in whose works the changes in the worldview of emigrants are most clearly traced.

The relevance of the study is due to the need to specify historical events and their impact on the work of writers of the Circassian diaspora, as well as the fact that the identified problems have not become an object of study in national literary criticism. The writers whose works were taken for analysis lived in one of the most dramatic stages in the history of the last two centuries, which could not but affect their lives and works. The results obtained can become a theoretical help in the further study of the literature of the Circassian abroad. They can find practical application in special courses, in the research work of teachers, graduate students and students. Thus, on the basis of the studied material, the following conclusion can be drawn: in the context of the transformations of the considered period, the literature of the Circassian diaspora originated and took root on the basis of foreign written traditions of the Eastern peoples, and the most important result of this development was the transition from the Arabic-Turkic writing to writing in the native language.

Keywords: historical reality, value aspect, Circassian diaspora, evolution of artistic consciousness, ethnocultural identification.

Введение

Эволюционные процессы, происходящие в культуре, в частности в литературе черкесского зарубежья стали важнейшим фактором духовной и нравственной жизни народа (к черкесам (адыгам) относятся адыгейцы, кабардинцы, черкесы и шапсуги). Тем более, что новейшая история России открывает все возможности для объективного изучения этого феномена как части общечеркесского (адыгейского, кабардинского, черкесского) литературного процесса.

Возникновения диаспоры черкесов в странах Ближнего Востока и Передней Азии обусловлено исторически. Кавказская война, а затем и многие другие исторические события XIX–XX вв. способствовали возникновению диаспоры на территориях, принадлежащих раньше Османской империи. После ее распада черкесы оказались в разных странах: Российской Федерации, Турции, Иордании, Сирии, Израиля, США, Германии, Ливана и т.д. Культура черкесов, ранее составлявшая единый этнический массив, формировалась отдельно, что ограничило эффективное духовно-эстетическое обогащение художественного сознания этноса. Именно поэтому особый интерес для исследователей представляет изучение всех вариантов черкесской литературы в историческом, лингвистическом и нравственно-эстетическом аспектах.

Здесь необходимо отметить, что черкесы оказывались за пределами исторической родины и раньше названного периода. Например, научные данные свидетельствуют о том, что в середине века египетским султаном долгое время (135 лет) правили выходцы из числа мамлюкских воинов, среди которых было немало черкесов. Однако египетские черкесы в основном были воинами и массово погибали в различных военных стычках, не успев проявиться в других областях цивилизации. Тут только хотим подчеркнуть значимость исторической связи двух черкесских диаспор – египетской (средневековье) и турецкой (новое время), которое привело к появлению литературы черкесского зарубежья.

Основная часть

Писатели-эмигранты и их потомки внесли существенный вклад в становление современной литературы Турции и некоторых арабских государств. Однако мы хотим обратить внимание на неоднозначность суждений в отношении этнической аутентичности литературы черкесской диаспоры. По данной проблеме в отечественном литературоведении нет единого концептуального подхода. Поэтому к данному вопросу мы подходим «гибко, подвижно и избирательно» [15, С. 239]. Однако нельзя забывать тот факт, что данные писатели принадлежат не только литературе того народа, на языке которого создавали свои произведения, но и черкесской культуре. Известный литературовед Н.С. Надъярных подчеркивал: «что-то в диаспоре является частью национальной литературы, а что-то, естественно, за многие годы и в какой-то другой своей части (частях) вошло в культуру того народа, в которую влилась диаспора» [8, С. 4]. Поэтому, опираясь на высказывания ученого, в статье делается упор именно на ту часть творчества авторов, в которой наиболее четко проявилась не просто генеалогия, проблематика и менталитет эпоса, а использование художественных средств родного языка. Так, например, в литературном наследии крупного турецкого писателя Ахмеда Мидхата (Хагур, 1844–1912) национальные черкесские мотивы сыграли важнейшую роль. Писатель-просветитель жил в Турции в эпоху больших перемен. В его произведениях отразились события исторической значимости конца XIX века. Несмотря на то, что творчество художника слова велико и многогранно, оно остается недостаточно изученным. Особенно это касается тех произведений, в которых затрагиваются в большей или меньшей степени проблемы соотечественников, оказавшихся на чужой земле.

Исследователи творчества А. Мидхата признают его лидером и родоначальником литературы танзимата. Н. Аки [13] и А. Танпинар [12] связывают поражение просветительских идей автора со вторым этапом реформ. Турецкий литературовед Мустафа Нихат писал: «Время А. Мидхата ушло вместе с политикой «просвещенского абсолютизма», его идеями, его сторонниками, к коим относился и сам писатель» [14, С. 31]. Последующие исследователи его творчества подчеркивают, что самым значительным вкладом в развитие турецкой литературы являются ранние произведения А. Мидхата. Критики избирательно отнеслись к художественному наследию нашего соплеменника, убрав из него все «нетурецкое», как малозначимое для своей культуры. Однако именно те произведения, которые они оставили без внимания, расширяют проблематику и художественные горизонты писателя.

Зародившаяся турецкая буржуазия использовала в своей политике идеи А. Мидхата. Писатель не скрывал своих черкесских корней, хотя знал, что это может негативно сказаться на отношении к его творчеству.

Начиная с 70-х годов XIX века, А. Мидхат начинает серьезно заниматься проблемами черкесского народа, в частности, диаспоры в Турции. Он первый писатель-адыг, перу которого принадлежат крупные произведения на тему родной земли. А. Мидхат – автор первого черкесского исторического романа «Кавказ», первый драматург (автор драмы «Черкесские дворяне»). Он первый из мастеров художественного слова черкесской диаспоры Турции, кто обратился к проблемам своего многострадального народа. В произведениях писателя мы находим размышления и чаяния черкесов, оказавшихся волею судьбы на чужбине.

Роман «Кавказ» А. Мидхата – первое крупное художественное полотно, повествующее о горестях и лишениях, выпавших на долю черкесов. Политика разобщения адыгских племен, а также ослабление власти Османской империи, как изображает автор, исходит из столиц европейских держав. В заговор вовлечены целые народы и огромные территории их проживания. Война приходит и к черкесам, покалечив судьбы миллионов людей.

В основе романа реальные события, произошедшие на Кавказе в первой половине XIX в. Сюжет романа событийный. По замыслу писателя главные герои произведения – Каплан-бей, Шириншах, Юнус-бей, Зейнал-бей, Гуаша, Феррит-ханум, Селим и другие – оказываются на чужой земле, среди незнакомых неприветливых людей, они испытывают тяготы и лишения, проходят испытания на мужество и стойкость, но ни при каких обстоятельствах не

роняют своей чести. Хладнокровные, спокойные, с чувством собственного достоинства – такими изображены черкесы в романе.

Основной целью писателя было показать тяжелейшие и необратимые последствия Кавказской войны. А. Мидхату, как художнику слова, удалось показать глубину народной трагедии, обнажить острые и противоречивые моменты в судьбе и сознании адыгов.

В основу произведения, по авторскому замыслу, должна была лечь история любви между абхазским юношей Каплан-беом и «москвиткой» Катериной. Но эта сюжетная линия явилась лишь обрамлением романа, а стержнем его стала история борьбы черкесского народа за свою независимость.

Стиль романа представляет особый интерес. Писатель в ходе повествования периодически прерывает сюжетную линию и вводит целые разделы историко-этнографических очерков о разных этносах. В этих отступлениях А. Мидхат дает оценку происходящим событиям, что придает роману публицистический характер. Здесь писатель использует уже испытанный повествовательный стиль медахов. В целом эти особенности делают роман очень близком по жанру к очерку.

Пьеса «Черкесские дворяне» повествует об одном случае времен Кавказской войны. Драма заставляет задуматься о прошлом и будущем черкесов. Автор видит, что главные духовные ценности этноса переживают кризис. Писателя больше волнует вопрос о соответствии или несоответствии современным реалиям традиционных форм общественного строя адыгов, их межличностных отношений. Писатель приходит к выводу: «если черкесы хотят сохранить себя как этнос и не отстать от быстроразвивающихся народов, они должны отказаться от старых, изживших себя атрибутов национальной этики». Мотив, начатый еще в романе «Кавказ», приобрел окончательное завершение в драме «Черкесские дворяне».

Своими произведениями, входящими в черкесский цикл, А. Мидхат попытался привлечь турецкого читателя на сторону своего страдающего народа, и это ему вполне удалось.

Идеи свободомыслия, поднятые А. Мидхатом в 60-х годах XIX века, превратилась в огонь национализма в 80-х. В этом огне и сгорел театр «Гедик-паша», где была осуществлена постановка спектакля. Это было грозное предупреждение маленькому черкесскому народу, населяющим империю. Турецкому султану не хотелось, чтобы образы Шириншаха, Каплан-бея («Кавказ»), Самуркаша, Жамбулата («Черкесские дворяне») стали символом чести османского общества, символом, исходящим от черкесов.

К литературному творчеству А. Мидхата, на наш взгляд, необходимо подходить с учетом духовных и нравственных ориентиров той эпохи, в которой он жил. Писатель Иззет Айдемир ближе к истине, сказавший о нашем соплеменнике, что «первую часть своей жизни он посвятил просвещению турецкого народа, а вторую – черкесам, ибо с его пера начинается литература диаспоры» [11, С. 69]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть тот факт, что «в эволюционном процессе художественного сознания авторов диаспоры сыграли большую роль история, традиция, в целом, культура титульных народов стран проживания черкесов» [2, С. 33]. С именем А. Мидхата связано начало и развитие литературы черкесской диаспоры.

Османская империя разваливалась, а бывшие ее территории и народы постепенно попадали в экономическую и политическую зависимость от европейских держав. С этим периодом истории Турции совпала литературная деятельность писателя Омера Сейфеддина (Хатко) [10], чье творчество стало зеркалом, отразившим все события, происходившие в стране. Среди первых последователей А. Мидхата с «более серьезными и совершенными произведениями» [3, С. 74] выделяется Омер Сейфеддин (1884–1920). Писатель часто попадал в поток шовинистических течений в турецком обществе. Он не был националистом. О. Сейфеддин не скрывал, что «отношение разных народов к туркам точно такое же, как турак к ним» [11, С. 65]. Критика писателя была направлена против создания «единой османской нации». О. Сейфеддин считал себя обязанным турецкому народу, который приютил несколько сотен тысяч черкесских махаджиров в годы Кавказской войны.

Главным героем многих произведений О. Сейфеддина является сам автор. Он рисует людей, которые проходят через драматические события, открывает душу и сознание лирического героя. Автор выступает с разных позиций – то чувствует себя виноватым в том, что еще в детстве из-за него был изгнан из медресе учитель («Фалака»), то говорит, что с помощью «великолепного ремесла» можно привлечь на свою сторону многих людей («Ремень»), то учит тому, что подлый поступок обернется против тебя же самого («Привычка»), то проповедует идею не желать другому того, чего не пожелаешь себе («Что это было?»). Главная цель писателя – показать неприглядные, скрытые от общества стороны жизни.

Как одну из особенностей творчества О. Сейфеддина нужно отметить и то, что он часто связывал ряд произведений единой идеей, соединяя их в легко узнаваемые группы. Несколько рассказов объединяются либо вокруг одного и того же персонажа (например, Мистыка, Джаби-эфенди, Сандри и т.д.), либо общей тематикой: критикой османства и пантюркизма, воспоминаниями о детстве, историческом прошлом турецкого народа и т. п.

Народ, который своим «великолепным мастерством может восхитить людей других национальностей так, чтобы они посчитали за честь называться черкесами», в этом мире заслуживает лучшей доли. Такую оценку дал своему народу О. Сейфеддин в рассказе «Ремень». Он входит в цикл сатирических рассказов, где автором высмеиваются неумелые турецкие правители, доведшие некогда могущественную империю до развала, а народ – до нищеты и обездоленности.

В рассказе «Ремень» писатель высмеивает людей, готовых забыть о своих корнях, пожертвовать национальной самобытностью, если это принесет сиюминутную выгоду, они готовы преклоняться перед чужой культурой, укладом жизни. Махмуд-бей представляет один из этих человеческих типов, но не это главное в рассказе. Главным здесь является сила, исходящая от народа, «обладающего искусством великолепного ремесла». Мужской черкесский ремень – символ возрождения народа, символ прекрасного будущего. За столько лет он не потерял ни красоты, ни блеска.

В «черкесский цикл» включены рассказы писателя о своем детстве. Они согреты душевным теплом. О. Сейфеддин не пытался приукрасить детские годы. Воспоминания о детстве, как говорит сам автор, «покрыты белой мглой», и поэтому детские рассказы нашего соплеменника наполнены светлой грустью («Клятва», «Завистник», «Фалака», «Скребница» и др.). Именно в этих рассказах обнаруживаются особые черты детской психики, сформировавшие характер писателя. Цикл рассказов о детстве носит воспитательный характер. В них отображены условия, в которых воспитывалось и обучалось молодое поколение.

Рассказы О. Сейфеддина национально-патриотической темы составляют большой цикл. Историческая действительность требовала от писателя перехода к социально значимым темам. Для автора главная цель – критика османизма и пантюркизма (рассказы «Припев», «Белый тюльпан», «Бомба», «Знамена свободы», повесть «Эфруз-бей» и др.), воспитание у читателей чувства истинного патриотизма («После Чанаккалы», «Вечер свободы», «Очень большой человек»).

О. Сейфеддина беспокоили не только события исторической значимости. Он поднимал и морально-этические проблемы. Писатель обличает богатых невежд, высмеивает неумных аристократов, жуликоватых торговцев и судей, хитрых слуг. По своей тематике эти рассказы объединены в цикл «высоких каблуков».

Как и его учитель Ахмед Мидхат, О. Сейфеддин показывает на улицах Стамбула прототипов героев черкесского фольклора – муллу-стяжателя, Ходжи-озорника, Куйцука-хитреца, судью-взяточника, богача-наглеца.

В произведениях этого цикла больше всего словосочетаний, поговорок, фразеологических оборотов, встречаемых только в адыгском (черкесском) языке. Например: «я псэр зы чысэм ильщ» – «в одном кисете их сердца», «шы дахэ мыжэ» – «конь красив, но скачет плохо» («Три совета»); «зыхуагъэзэжэщ я щыб» – друг к другу спиной повернулись», в значении поругались, «кытенащ жыхафэгум» – «на пороге остался» – в смысле «без внимания остался» («Оплошность»); «хьэхущ псэрэ пэт» – «взаимы даже жизнь дана»; «хьэжэ вакъэжышх» – «как старый пес, пожирающий чувяки», «я щыб зыхуагъэзэжэщ» – «повернулись друг к другу спиной», «собыркъ-сошыркъ» – «стучу-ворчу», «пщы быупсыномэ, лам тельхэ» – «хочешь обманывать – вали на мертвого» («Кисет»); «мылькур уэсэпсым хуэдэщ» – «богатство подобно росе», «уэзчэнджэщын уимыIэмэ, уи пыIэжыр гьэтIыты ечэнджэщ» – «если не с кем советоваться, положи свою папаху и с ней советуйся» («Привычка»); «кIуэщыхуэжыркъым и фэм» – «не влезает в свою шкуру», «щIэгуфIыкIыу и пащIэкIэ» – «улыбаясь под усы» («Вероотступник»); «тхьэланэ пщIырэ уепцIыжмэ, уи фызыр йокIыж» – «если поклясться и не выполнить обещанного, жена уйдет от тебя», «и жьафэ кьехыркъым» – «рот не закрывается», в смысле болтливый («Фалака») и др.

Своим творчеством Омер Сейфеддин открыл адыгам, живущим на исторической родине, другой мир – жестокий и беспринципный, в котором по воле судьбы оказались черкесы-махаджеры, вынужденные бороться за сохранение национальной самобытности. Без этого мира невозможно осмыслить целостную картину адыгской литературы.

С именами А. Мидхата и О. Сейфеддина непосредственно связано зарождение литературы черкесской диаспоры. Их творчество восходит к двум основным источникам: турецкой литературной традиции и сугубо черкесскому художественному мышлению и менталитету. В своих произведениях Ахмед Мидхат и Омер Сейфеддин сохранили и донесли до нас художественное мировоззрение наших соплеменников, оказавшихся в годы Кавказской войны в Турции. Это то, что не смогли распознать турецкие литературоведы. Последующие писатели черкесского зарубежья стояли на тех же позициях, что и старшие, но они были ближе к национальной действительности и к проблематике своего народа.

После распада Османской империи в новой Турции еще сильнее разгорелся огонь национализма, о котором предупреждал А. Мидхат. Первая конституция Турции, принятая в 1924 г., провозгласила безусловность суверенитета турецкой нации. Она законодательно закрепляла «реакционную политику турецких правящих кругов в национальном вопросе» [15]. Жестко проводилась политика «отуречивания черкесов, курдов, арабов и других национальностей» [6], проживающих на территории Турции. Ни до этого времени, ни после черкесская диаспора не подвергалась таким унижениям.

Естественно, в такой среде было практически невозможным появление художника слова, чьи произведения, как творчество А. Мидхата и О. Сейфеддина, в какой-то степени восходили бы к черкесскому художественному мышлению. Писатели этого периода поддавались общим настроениям как моде, любили говорить о народе, иной раз с сочувствием изображали жизнь простых людей. Но, как подчеркивает литературовед Н.А. Айзенштейн, «мировоззрение этих писателей лежало вне демократических идеалов. И когда общественный подъем начал спадать, писатели эти в той или иной мере возвращались в лоно реакционной эстетики» [1, С. 84].

После того, как Демократическая партия одержала победу на выборах в меджлис, черкесский дух начал постепенно возрождаться. В 50-е годы, когда эмигранты боялись заявлять о том, что «они не турки», начинающий поэт, черкес Эргин Гунджер (1938–1983) посвящает свои стихи родине, «своему несравненному, гордому и красивому черкесскому народу». Его удручает тот факт, что его соплеменники пребывают в невежестве, но самое горькое для поэта то, что они, кажется, уже привыкли к такому положению. «Сердце мое орошают теплые дожди, / Юность черкесская, что же ты спишь? / Кони в загоне томятся давно, / Томятся давно, давно...» (перевод подстрочный – Х. Тимижев). Так пишет молодой поэт в стихотворении «Мандарины в сумерках».

Книга стихов Э. Гунджера «Черкесский цвет в турецком букете» [16] разбудила черкесскую молодежь. Поэт говорит своим соплеменникам, что «чужбина может только приютить, а приласкать и дать жизненную силу может только Родина» («Мольба»).

«Твое лицо – лицо адыга», – / Мне шепчут на ухо дожди... / А в облаках все душат знамя / Моей земли, что выше, краше всех» (перевод подстрочный – Х. Тимижев), – говорит поэт, гордясь тем, что он сохранил еще «лицо адыга». Слова эти продиктованы необыкновенной любовью к своему народу, к исторической родине адыгов.

Поэзия Э. Гунджера стала одним из указателей верного направления для молодежи, оказавшейся на распутье в 50-е годы. Он связал два этапа литературы адыгского зарубежья.

Отличительная особенность произведений поэта, не только в том, что приемом совмещения парадоксов они являют нам мир неожиданностей. Э. Гунджер умело использует аллегории, иносказания, народные речевые обороты. Силлабо-тонический строй делает его стихи созвучными современной адыгской поэзии.

Процесс выведения литературы из «тумана времени», из «стана людей, утомленных жизнью» начался с творчеством прогрессивного, демократического писателя Мусы Уйсала (Чынт, 1927).

Время правления страной военными вошло в историю Турции как «потерянные годы». М. Уйсал был активным участником всех событий, происходивших в Турции в эти годы. Он выбрал путь борьбы за высокие идеалы, мечты каждого простого человека и готов был преодолевать все препятствия. Вот что стало основным мотивом произведений М. Уйсала.

Первая книга писателя «Откуда иду и чего я достиг?» быстро разошлась. Она рассказывала о негативных явлениях жизни страны. Главный герой повести (сам автор) – образованный и политически зрелый человек, вступает в профсоюзное объединение (ТОС), которое в то время вело активную борьбу за интересы трудящихся, и становится одним из лидеров. С приходом к власти военных были уничтожены демократические институты, которые с трудом внедрялись десятки лет. События этих лет легли в основу сюжета повести. М. Уйсал сумел отобразить новейшую историю Турции и показать ее на примере одной судьбы. Это послужило поводом для того, чтобы тысячи людей посчитали, что их жизнь описана в повести.

М. Уйсал уловил, что народу нужна правда о происходившем в недалеком прошлом. Об этом повествуют последующие произведения писателя – «Слово, данное в пути», «Одинокое дерево» и «Мое перо притупилось». В них писатель показал лучшие качества человека-патриота – борца за народное счастье.

В основу романа «Три всадника» легли события времен Кавказской войны и махаджирства. В психологических сценах писатель показывает разделение самих поселенцев на два лагеря. Их разногласия приводят к вооруженному конфликту. В долине на подступах к Стамбулу происходит столкновение из-за которого пришлось вызвать подразделения турецкой армии. Это событие стало черной страницей для черкесского народа. Место, где происходило столкновение, до сих пор называют Черкесской. О причинах этих несчастий, которые долгое время скрывали от всех, рассказывает автор, снимая завесу и открывая людям глаза на правду о судьбе сотен тысяч обманутых соплеменников.

Произведения М. Уйсала объединяют одна общая идея. Это, как заметил черкесский ученый-историк Эрол Тамаз – «идея дружбы и добрососедского отношения между людьми разной национальности» [9]. И всем, кто надумает помешать этому, писатель даст отпор своим главным оружием – острым пером. Слово Мусы выступает щитом от насилия и национального неравенства, защищает обездоленных и попавших в беду людей. Это способствовало популярности писателя у читателей.

Названные выше авторы способствовали появлению многих мастеров художественного слова, создающих свои произведения на родном языке. В этом заключается главная заслуга тюрко-, арабоязычных писателей черкесского зарубежья.

Мулид Аталай (Инэмыкьэу) – современный поэт черкесского зарубежья, творивший на родном языке. Юность поэта совпала с годами, когда черкесы уже не надеялись вернуться на историческую родину. Ислам стал для потомков адыгских эмигрантов соломинкой, за которую хватается утопающий. Юноша не был религиозным фанатиком, все же в его жизни мусульманство нашло определенное место. Можно предположить, что аскетизм в интерпретации законов жизни и бытия граничит у него с канонами исламской религии. У поэта нет ни одной темы, где не пролегла бы тенью религии. Другая особенность лирики М. Аталая в том, что вся окружающая его действительность вмещается в некий треугольник, который чем-то перекликается с классическим законом «трех единств». В этом треугольнике настолько сильно бурлит жизнь, что действия, протекающие столетиями, мелькают в нем ежеминутно. Центр этой «Вселенной», созданной воображением поэта, – черкесский народ. Это является основным лейтмотивом его лирики. Раздумье о прошлом народа, его сегодняшнем дне и сумрачном будущем «не дает покоя его душе» и ведет ее «к светлой мечте» [«Мой бог – моя надежда»].

Поэт пишет: «Мой Бог великим, всемогущий, // Даруй народу путь из мглы...» [4, С. 12]. Мулид считает, что для его народа, когда-то вынужденного покинуть Родину, час воскрешения настал, и он ждет «великих свершений»: «Ты можешь все, великий наш Творец! / Верни адыгам землю их отцов, / Сегодня верую в тебя безмерно!» [4, С. 12].

Эту мечту лелеет в душе не только молодой поэт, об этом помыслы и чаяния всех черкесов, живущих в диаспоре. И этот пепел надежды еще сильнее разгорелся под дуновением ветерка демократических перемен в Турции с 60-х годов. От этого и зависит, по словам поэта, «какою быть его надежде», останется ли она просто в его душе или воплотится в жизнь.

В Турции черкесским поэтам-патриотам жилось всегда нелегко, но властям не удавалось заглушить голос их поэзии. Они жили в чужой стране, но никогда не чувствовали себя обездоленными, людьми без Родины – за их спинами была «земля отцов, в тоске по которой томится до утра, измученное разлукой сердце» [7].

Мулид Аталай знает, что народ должен жить в ладу и мире со своими корнями, своей историей. Невозможно разом порвать все связи с Турцией: здесь – дом, а там – Родина. Оттого и восклицает поэт от имени многих соплеменников: «Пусть ждет дорога дальняя, / Дорога жертв безвинных и тревог. / Тоска по Родине - что вечный странник, / Нас будет греть и нас спасет» [4, С. 13].

Сейчас время, когда человеческий фактор выступает во всех сферах на первый план. Потомки махаджиров могут посещать своих родственников на Кавказе, многие из них вернулись на землю отцов. Значит, борьба, которую вели поэты и писатели диаспоры, не прошла бесследно.

Заключение

Литераторы черкесской диаспоры, создающие свои произведения на родном языке, сегодня ориентируются и на поэзию и прозу соплеменников на исторической родине. Вместе с тем, как справедливо отмечает профессор Х. Баков, «они счастливо избежали принципов политизации творчества» [5, С. 225]. В этом плане произведения, созданные

особенно в XIX в. писателями черкесской диаспоры, бесценны для отечественного литературоведения. В них наиболее полно и беспристрастно отражены и интерпретированы события прошлых столетий. В конечном счете именно они объединяют творчество названных авторов, несмотря на то, что они жили в разные периоды и на формирование их взглядов оказали влияния события разной исторической важности.

Вместе с тем было бы нелепо оспаривать тот факт, что творчество большинства писателей черкесской диаспоры, которые творили на языке страны проживания, принадлежат титульному народу этой страны. Они жили теми проблемами, которые волновали общество, порой становились рупором самой передовой ее части. Но столь же бесспорно и то, что они с полным правом могут быть причислены к литературе и культуре черкесского народа, проблемы которых их волновали не меньше.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.19.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.19.1>

Список литературы / References

1. Айзенштейн Н.А. Из истории турецкого реализма / Н.А. Айзенштейн - М.: Наука, 1968 - 284 с.
2. Алькаева Л.О. Очерки по истории турецкой литературы 1908-1939 / Л.О. Алькаева - М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1959. - 220 с.
3. Алькаева Л.О. Сюжеты и герои в турецком романе / Л.О. Алькаева - М.: Наука, 1966. -185 с.
4. Баков Х.И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии / Х.И. Баков - Майкоп: Меоты, 1994. - 252 с.
5. Гасратян М.А. Очерки истории Турции. / М.А. Гасратян - М.: Наука, 1983. - 364 с.
6. Мир мухаджиров: Сборник / Сост. Х.Т. Тимижев. - Нальчик: Эльбрус, 2004. - 252 с.
7. Надъярных Н.С. Диаспора в потоке времени / Н.С. Надъярных // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. - Черкесск, 1993. - С. 3 -13.
8. Наследие. Избранные произведения писателей адыгской диаспоры. - Нальчик: Эль-Фа, 2004. - 590 с.
9. Сейфеддин О. Эфруз-бей / О. Сейфеддин - Л., 1973.- 153 с.
10. Atalay M. Zamanın bağlantısı / M. Atalay // Nart. - 1998. - № 4. - S. 11-14.
11. Izzet A. Muhaceretteki ferkes aydinlari / A. Izzet - Ankara, 1991. - 343 s.
12. Hamdi Tanpinar A. Turk Edebiyati Tarihi / A. Hamdi Tanpinar - Ankara, 1988. - 438 s.
13. Aki N. Turk tiyatro edebiyati tarihi / N. Aki - Ankara, 1989. - 388 s.
14. Nihat M. Tiirkgede roman / M. Nihat // Ahmet Midhat efendinin oyunlari. - 1 st. - 1998 - s. 31
15. Capangly M. Ideal gazctcsi / M. Capangly // Hfendi Babamiz Ahmed Midhat. - 1 st. - 1964. - s. 239
16. Gunse E. Turkiye Kadar biz cicek / E. Gunse. - Istanbul, 1958.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ajzenshtejn N.A. Iz istorii tureckogo realizma [From the history of Turkish realism] / N.A. Ajzenshtejn - M.: Nauka, 1968 - 284 p. [in Russian]
2. Al'kaeva L.O. Ocherki po istorii tureckoj literatury 1908-1939 [Essays on the History of Turkish Literature 1908-1939] / L.O. Al'kaeva - M.: In-t vostokovedeniya AN SSSR, 1959. - 220 p. [in Russian]
3. Al'kaeva L.O. Syuzhety i geroi v tureckom romane [Plots and characters in a Turkish novel] / L.O. Al'kaeva - M.: Nauka, 1966. -185 p. [in Russian]
4. Bakov X.I. Nacional'noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual'nost' v adygskoj poezii [National identity and creative individuality in Adyghe poetry] / H.I. Bakov - Majkop: Meoty, 1994. - 252 p. [in Russian]
5. Gasratyan M.A. Ocherki istorii Turcii [Essays on the history of Turkey]. / M.A. Gasratyan - M.: Nauka, 1983. - 364 p. [in Russian]
6. Mir muhadzhirov: Sbornik [The World of Muhajirs: Collection] / Compiled by H.T. Timizhev. - Nal'chik: El'brus, 2004. - 252 p. [in Russian]
7. Nad'yarnyh N.S. Diaspora v potoke vremeni [Diaspora v potoke vremeni] / N.S. Nad'yarnyh // Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya [Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya]. - Cherkessk, 1993. - pp. 3 -13 [in Russian]
8. Nasledie. Izbrannye proizvedeniya pisatelej adygskoj diaspory [Heritage. Selected works of writers of the Adyghe Diaspora]. - Nal'chik: El'-Fa, 2004. - 590 p. [in Russian]
9. Sejfeddin O. Efruz-bej [Efruz Bay] / O. Sejfeddin - L., 1973.- 153 p. [in Russian]
10. Atalay M. Zamanın bağlantısı [The connection of times] / M. Atalay // Nart. - 1998. - № 4. - pp. 11-14 [in Turkish]
11. Izzet A. Muhaceretteki ferkes aydinlari [Circassian intelligentsia in exile] / A. Izzet - Ankara, 1991. - 343 p. [in Turkish]
12. Hamdi Tanpinar A. Turk Edebiyati Tarihi [History of Turkish Literature] / A. Hamdi Tanpinar - Ankara, 1988. - 438 p. [in Turkish]
13. Aki N. Turk tiyatro edebiyati tarihi [History of Turkish theater literature] / N. Aki - Ankara, 1989. - 388 p. [in Turkish]

14. Nihat M. Tiirkgede roman [Tiirkgede roman] / M. Nihat // Ahmet Midhat efendinin oyunlari [Ahmet Mithat Efendi's plays]. - 1 st. - 1998 - p. 31 [in Turkish]
15. Capangly M. Ideal gazctcsi [Ideal gazctcsi] / M. Capangly // Hfendi Babamiz Ahmed Midhat [Our Lord Father Ahmed Midhat]. - 1 st. - 1964. - p. 239 [in Turkish]
16. Gunse E. Turkiye Kadar biz cicek [Circassian flower in a Turkish bouquet] / E. Gunse. - Istanbul, 1958. [in Turkish]